

аскетъ выходитъ и въ коридорчикѣ рубить топоромъ себѣ палець, это старое и не разъ использованное сказаніе дѣйствуетъ на читателя какъ внезапный ударъ. Поразительно выявлена здѣсь торжествующая сила чело-вѣческаго духа, страдающаго, строгаго, оза-реннаго радостью отъ чувства своей силы. Сцена эта такова, какой она могла выйти только у писателя пламенно исповѣдующаго вѣру въ Бога-Добро, алчущаго служенія, вѣчно взволнованнаго прекраснѣйшей мечтой о жертвѣ и о полномъ служеніи Добру своей жизнью.

Но Толстой не удовлетворился этимъ эф-фектомъ, въ немъ не угасаль требовательный и пронизательный психологъ, и онъ продол-жаетъ слѣдить за внутренней жизнью этого сильнаго челоуѣка, который прямою и вѣ-рой сталъ извѣстенъ уже далеко по градамъ и весямъ и собиралъ вокругъ себя толпы бо-лящаго и жаждущаго духовно люда. Въ ду-шѣ стараго аскета писатель подмѣчаетъ не-умирающее честолюбіе, и, думается, въ этомъ есть много автобіографическаго. Писатель былъ неумолимъ къ слабостямъ челоуѣче-скимъ и излѣчивался отъ нихъ жестокимъ признаніемъ мельчайшихъ поползновеній. Подмѣчаетъ онъ здѣсь, какъ челоуѣкъ боль-шой силы, именно тѣмъ, что онъ силенъ и нуженъ своей силой народу, подвергается